

ЗИНАИДА ГИППИУС

БОСЯК

Зинаида Николаевна Гиппиус

Босяк

Аннотация

«Еще поживу здесь. Заехал случайно – и понравилось. Дачное горное место не из очень модных, однако ничего, довольно благоустроенное и, по-своему, веселое. Стоят два полка местных, самых блестящих, у командира дом просто прелесть, в кружке летнем вечера – одно упоенье! Нравится мне это офицерское веселье, тромбоны военного оркестра, «девичьи лица ярче роз»... Вообще, что может быть приятнее зрелища человеческого веселья? Чем бы кто ни тешился, лишь бы не плакал. Слезы, скука и несчастье возбуждают во мне, как во всяком нормальном человеке, жалостливую досаду, чуть не возмущение. Что надо? Все есть, умей только смотреть, да веселиться. Эдакая гадость, ныть, терзаться и расстраивать других...»

Содержание

I	4
II	5
III	9
IV	13
V	15
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Зинаида Гиппиус

Босяк

I

Еще поживу здесь. Заехал случайно – и понравилось. Дачное горное место не из очень модных, однако ничего, довольно благоустроенное и, по-своему, веселое. Стоят два полка местных, самых блестящих, у командира дом просто прелесть, в кружке летнем вечера – одно упоенье! Нравится мне это офицерское веселье, тромбоны военного оркестра, «девичьи лица ярче роз»... Вообще, что может быть приятнее зрелища человеческого веселья? Чем бы кто ни тешился, лишь бы не плакал. Слезы, скука и несчастье возбуждают во мне, как во всяком нормальном человеке, жалостливую досаду, чуть не возмущение. Что надо? Все есть, умей только смотреть, да веселиться. Эдакая гадость, ныть, терзаться и расстраивать других.

II

Роща здесь прекрасная. Лучше парка. Сосны толстые, черные. И не пустынна она – терпеть не могу одиночества и глухих лесов. В роще днем – почти все дачное население. У спуска вниз есть довольно красивое, веселое местечко – две сосны, сплетенные вместе. Сегодня пошел туда помазать, небольшой этюд может выйти недурно – вдруг слышу голос Александры Ивановны, полковницы:

– Барон, барон! Позволяется прервать ваше вдохновение?

Я живу у полковника. Гостиница здесь оказалась плоха, долго в ней не высидеть; полковника же я встречал в Петербурге, жена, его, с натяжками, приходилась мне как-то даже родственницей; достойная чета уговорила меня поселиться у них на даче, наверху. Комнаты хорошие, совсем отдельные, я не раскаиваюсь.

Александра Ивановна, толстая, добродушная тетеха (всегда веселая, за это я ее люблю), подходила ко мне с какой-то другой дамой, сухой, длинноносой и бледной. Очень тонной.

– Барон, можно вас представить...

Я изысканно поклонился генеральше, «матери-командирше», которую еще не видал, хотя с генералом был знаком.

– Художники не любят, когда нарушают их уединенье, – сказала генеральша, чрезвычайно бледно улыбаясь. – Не правда ли, барон?

– Какой же я художник? – сказал я искренно. – Я – дилетант.

Добрейшая Александра Ивановна не поняла этого и обиделась за меня.

– Дилетант! Он дилетант! Кончил академию, на конкурсе золотая медаль, посылали за границу...

– Ну что ж? Я тогда и не поехал. Почему дилетант не может кончить академии? Разве это запрещено? Я, впрочем, хотел только сказать, что живопись не поглощает всей моей жизни и всего моего внимания... что я вообще против специализаций...

Александра Ивановна снова перебила меня:

– Ах, ma chere¹, если бы вы знали, какой барон чудесный музыкант! А как танцует!

Я улыбался.

Генеральша, со своей бледной улыбкой привычного провинциального высокомерия, такого жалкого, сказала мне – очень ласково, однако:

– Я надеюсь видеть вас на нашем балу, пятнадцатого. Это будет по-деревенски, по-летнему, попросту... Дочь моя еще слишком молода... Я надеюсь... Я буду очень рада...

Ну еще бы! Со мной тебе нечего и высокомерничать, моя милая. Здесь все мне рады. Молодой человек приятной наружности, единственный отпрыск старинной, известной, даже знаменитой фамилии, богатый (и очень богатый,

¹ моя дорогая (*фр.*).

что необыкновенно важно), образованный (не так важно), даровитый, веселый, с прекрасными манерами... Это больше, чем нужно для провинциального общества, для полковой аристократии в особенности. Немножко странно и жаль, что молодой человек нигде не служит, но... он «свободный художник», да и молод еще: перед ним всегда дорога. Меня так почитают, что вряд ли даже сплошь все мамыши смеют мечтать обо мне для своих дочек; по крайней мере, я до сих пор не очень страдал от грубой охоты на меня, как на жениха. А путешествую я часто и живу иногда в провинции подолгу.

Дамы ушли, я продолжал мазать свой этюд, прислушиваясь к молодым голосам гуляющих.

Барышни вообще милы; веселы; но в их веселье чего-то недостает. Везде барышни одинаковы. И в нашей провинции, самые разудалые и грубые, – и в Париже, где я жил как-то и встречался с юными дочерьми маркизов и графинь. Везде большею частью то же: мамаша, папаша, неосмысленные надежды на что-то глупое, а веселье немножко щенячье, не ценное. На всем готовеньком живет. Это и на лице у таких барышень отражается, и они меня не привлекают, не нравятся мне. Барышни-курсистки (навидался я их в Петербурге) – уж куда лучше. То есть попадаютя лучше. С зацепочкой. Но столько в них и лишнего, противного, не годного для женщины, такая уверенность в существовании того, чего у женщины не может и, главное, не должно быть – ума, – что и на курсистках я редких останавливался.

Нет, кто мне нравится, кто меня влечет, кто меня трогает, кто на меня действует – это гувернанточки. Присматривались ли вы когда-нибудь к нашим русским гувернанточкам? Даже некрасивые, даже подлетки – удивительный в них шарм иногда бывает! Ей скучно – но она хочет, чтоб ей было весело, и уверена, что ей было бы весело, если б не вот это проклятое ярмо! И она из-под него ищет веселья, высматривает, ценит мир и свободу, не разбирает средств, только бы вырваться; она сумеет с женской хитростью оправдать себя всегда в своих собственных глазах и, может быть, действительно станет потом жить нормально, то есть весело, спокойно-весело, если вырвется.

III

Меня трогает и толстенная мисс Люти, хоть ей уж под сорок. Глаза такие жадные – и невинные. Фрейлен Агнеса, громадная, костлявая, бесконечно добрая, бесконечно веселая и сентиментальная – тоже мила. Я каждый день пропадаю в роще с ними и с их юными воспитанницами. Мне хотелось украдкой поцеловать Агнесу; честное слово, я сделал бы это не без удовольствия, хотя у нее пребезобразные морщины. Но ведь это ошибка, что влечение к женщине имеет что-то общее с чувством красоты. Я думаю, что первое гораздо глубже, по существу острее, богаче; впрочем, и проводить никаких параллелей нельзя, слишком две вещи разные.

Но Агнесу я не поцеловал. Она все-таки уж очень незамысловата и сентиментальна.

Да и я не «соблазнитель». Я, по совести, не могу сказать, что такая девочка воистину сумела бы взять свободу, – я не освободил ни одной, не «соблазнил», ей-Богу, ни одной. Я нахожу глупым и некрасивым бороться действительно против людских заблуждений и предрассудков, раз они еще так крепки. Значит, не время. Я смотрю, вижу эти заблуждения, сожалею о них, – и с меня довольно. Что я за пророк! Очень рад, что не заблуждаюсь сам, это дает мне возможность быть всегда нормальным, то есть счастливым, убежден, что со временем все подойдет к тому же... Ведь я не герой, я совер-

шенно, как все. Но впутываться в их еще не устроенную, не понятную ими самими жизнь – я не желаю. Все равно этим ничего не докажешь, они внутренне еще не подготовлены.

Милое человечество! Ведь ты – я! Я говорю о тебе с той же нежностью, как о себе. Я не различаю. В самом деле, когда понемногу все придут к одному ясному, твердому, простому взгляду на мир – уже не будет ни меня, ни того, ни другого, – будет одно счастливое человечество, как бы с одним общим телом.

Но это мечты. Мечтать приятно, – недолго. Долго скучно. А потому я редко этим занимаюсь. Все вокруг так любопытно, что даже и некогда. Сегодня познакомился с приезжим одесским студентом – Вавиным. Брат Антонины Ивановны, Тоси... Не похож на нее – и похож тем глупым родственным сходством, которое в большинстве случаев неприятно.

Тося – воистину прелесть. Она так трогает и волнует меня, что я гляжу на нее все время и чувствую, что у меня блаженное выражение лица. Когда она приходит в рощу со своей воспитанницей, пятнадцатилетней дочерью генерала, и присоединяется к нашей компании (мисс Люти живет у капитана, Агнеса – у моего полковника), я решительно забываю и Агнесу и Люти, не говоря о подростках, и упиваюсь только этой восхитительной Антониной Ивановной.

Тося почти некрасива. У нее маленький полный рот, немножко надутые губки, бывают такие у детей. Глаза славные, капризные, живые и – «честные». Уж эта, что бы ни сде-

лала, всегда подыщет себе честное оправдание, без него не останется. В ней так и горит жизнь, так бы она и побежала, закричала, запела, с офицером бы в рощу удрала – да нельзя. Мало ли почему нельзя? Наконец – она гувернантка. Ей поручено воспитание юной души. Она честно зарабатывает свой хлеб. И думает, наверно, что она – холодная, гордая, сильная, а несет свой крест лишь в надежде на лучшее будущее.

Надежду эту я сегодня узнал от ее брата, второкурсника. Тося знакома со мною, но разговаривает мало. Супится. Желает показать мне, что ценит и любит свою скромную долю, гордится ею, а меня, богатого и «блестящего» барона, презирает со всей моей мишурой. О, как трогательно! И морщит носик, и строго смотрит на Зою, странную большую девочку, которая крупнее и выше собственной гувернантки. Красивая, должно быть, будет. Темно-карие глаза на свежем и бледном лице. Усмешка почти взрослой женщины. Вся тяжелая, широкая, красивая – и для меня непривлекательная. Тося, наверно, ее боится.

Скуластый студент – Вавин – рассказал мне, что сестра мечтает поехать в Петербург на курсы, собирает деньги, но Бог знает, когда это еще удастся, так как у них мать в Одессе, а он зарабатывает гроши уроками.

– Это ее горячая мечта. Я ей очень советую. Но когда это будет!

Никогда, милая Тося. Много ли скопишь в гувернантках,

хотя и у командира полка? Но вам радостно ваше благородство и надежда, и будет радостно еще несколько времени...

Брат со мной не дичится. Студенты меня всегда любили, и тогда, когда я сам был в университете, и после. Несмотря на мое баронство, на то, что я «собственник», и на свое благородство, – Вавин говорит со мной доверчиво. Сказал, что уважает во мне художника и то, что я нигде не служу. Вот и отлично.

IV

Сегодня мне повезло. В роще застал Тосю и Зою – больше никого. Зоя тотчас же полезла вниз, к ручью, одна. Гувернантка попыталась протестовать, и надо было слышать, как Зоя решительно ей возразила:

– Я ведь буду на виду, Антонина Ивановна. Пожалуйста, не беспокойтесь.

Тося осталась со мной одна, на горке. Я начал осторожный разговор. Она даже умна, эта милая девочка, – и так хорошо, по-своему, по-женски. Напортил ей немного брат-студент, ну да уж это как водится. Благородства, ущемленной честности, во всей их человеческой современной условности, конечно, туча. Но женщину это даже красит, пока она невинна. Я думаю, что когда условности жизни отпадут, женщина из неусловности, из отсутствия предрассудков и глупых человеческих законов устроит себе тоже закон. Но это отлично. Это кровь женская – не может жить без власти над ней. Потеряй женщина дотла влечение к рабству – мы потеряем наше влечение к ней.

Тося много читала. С нею легко говорить обо всем. Я терпеть не могу «развивать», рассказывать, поучать. От многих милых девушек я уходил благодаря тому, что они не знали ничего и требовали от меня рассказов и объяснений. Тося еще дичится, но как я люблю этот быстрый взгляд сбоку,

улыбку, которую хотят сдержать, розовые пятна под тонкой кожей на щеке, обращенной ко мне, ненужное движение дрожащей руки, полувнимательную к разговору мысль, полувнимательную потому, что в душе уже раздвоение, и надо посмотреть туда, и уже беспокойно и хорошо...

О, волнение крови, – яркая правда и веселье жизни! Как ты прекрасно! Я был счастлив за Тосю, глядя на нее. Без меня она бы тут так и просидела одна, неопределенно тусклая, не давая себе права радоваться, питаюсь жалкими мечтами о курсах, да еще никогда не исполнимыми!

Влюбится в меня девочка непременно! И кто знает, может быть, и без поучений, сама в конце концов поймет, что жизнь – прелевая и препростая штука!

V

Студент льнет ко мне решительно, но все хочет говорить об убеждениях.

Сегодня гуляли с ним вечером на плацу. Звезды такие невыносимо яркие, Большая Медведица просто сверкает, огненная. Студент – уж очень примитивен; он считает сентиментальностью любоваться на звезды не с научной точки зрения.

– Вы художник, вам позволительно. А для меня, профана и в эстетике, и в астрономии, ваша Медведица – просто кастрюля с ручкой.

– Да почему же? И я смотрю на Медведицу вовсе не как художник только. Я радуюсь, что с земли видны и звезды, земля от них богаче, радуюсь за землю.

– Чем же она богаче? Что это к ней прибавляет?

– Богаче людской радостью. Отнимите у людей звезды – люди вас не поблагодарят.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.